

МИХАИЛ ГИНЗБУРГ

**ХРОНИКИ
ТЕНЕЙ
И СВЕТА**

Михаил Гинзбург

Хроники теней и света 4

«Автор»

2025

Гинзбург М.

Хроники теней и света 4 / М. Гинзбург — «Автор», 2025

Уличная девчонка Алекс никогда не мечтала о короне, предпочитая острый нож и быстрые ноги дворцовым интригам. Но судьба, в лице хитроумного старого мага, бросает ее в самое сердце опасной игры – ей предстоит выдать себя за давно погибшую принцессу и бросить вызов жестокому тирану. Вынужденная стать пешкой в чужом гамбите, Алекс проходит путь от циничной выживальщицы до лидера, способного вдохновить отчаявшийся народ. Ей предстоит не только свергнуть узурпатора и пережить предательства, но и провести свое королевство через пламя опустошительной войны, столкнувшись с врагами внешними и внутренними. Когда же на горизонте появляется новая, еще более древняя и ужасающая угроза, Алекс понимает: битва за трон была лишь началом. Теперь на кону стоит судьба всего мира, и цена победы может оказаться невыносимо высокой. Сможет ли самозванка с душой воина спасти тех, кто поверил в нее, не потеряв при этом саму себя?

© Гинзбург М., 2025

© Автор, 2025

Михаил Гинзбург

Хроники теней и света 4

Глава 91: Сердце Плачущего Леса

Отряд

Дорога из Долины Теней, где пепел их павших товарищей смешался с прахом безмолвных врагов, была дорогой скорби и отчаянной решимости. Они шли на север, к Нордхольму, неся на импровизированных носилках тяжелораненого брата Финнеана. Старый монах, хранитель северных легенд, то приходил в себя, делясь обрывками знаний о предстоящем им пути, то снова впадал в забытие, его прерывистое дыхание отдавалось болью в сердцах его спутников. Йорген, единственный оставшийся воин Кингсбриджа, был мертв. Их отряд поредел, силы были на исходе, но цель – Плачущий Лес, первый «узел» Спящего, который им предстояло исцелить, – манила их, как единственный огонек в беспросветной тьме.

По мере того как они приближались к границам Нордхольма, суровый, пепельный пейзаж юга начал уступать место более привычным северным ландшафтам. Холмы, покрытые редким, жестким кустарником, сменились дремучими хвойными лесами, а воздух, хоть и был по-прежнему холодным и пронизывающим, уже не нес в себе того запаха смерти и тлена. Но и здесь ощущалось беспокойное дыхание израненного мира. Леса были тихими, почти безжизненными, а редкие деревни, встречавшиеся им на пути, выглядели заброшенными или насто-роженно-враждебными.

Когда они наконец достигли первого крупного поселения Нордхольма – небольшого, укрепленного острога на берегу замерзшей реки, – их встретили с оружием в руках. Суровые бородатые воины в кожаных доспехах и рогатых шлемах с подозрением смотрели на их потрепанный отряд, на монашеские рясы спутников Алекс, на ее собственное, чужеземное лицо.

«Кто вы такие и что вам нужно в землях Ярла Бьорна?» – грубо спросил их предводитель, здоровенный воин с секирой наперевес.

Алекс шагнула вперед. «Меня зовут Алекс. Я была здесь раньше. Я союзница Ярла Бьорна в войне против Заракхана. Мы пришли с миром. И с просьбой о помощи».

Имя Алекс, похоже, еще не забыли в этих краях. Воин нахмурился, затем, узнав ее или поверив ее словам, опустил секиру. «Королева Алекс... – пробормотал он. – Мы слышали, что ты погибла на юге. Рады видеть, что это не так. Но времена сейчас тяжелые. Ярл Бьорн... он не здесь. Он на западе, пытается сдержать набег каких-то новых тварей, что лезут из болот. А старая Фрейдис... она совсем плоха. Говорят, ее дух почти покинул этот мир».

Новости были неутешительными. Без поддержки Ярла Бьорна их миссия становилась еще сложнее. Но отступить было поздно. Алекс рассказала о цели их прихода – об «Очищающей Песни» и Плачущем Лесе. Воины слушали ее с недоверием, но и с затаенной надеждой. Проклятый Лес был занозой в сердце Нордхольма, источником страха и отчаяния для всех, кто жил поблизости.

Им позволили войти в острог, дали немного еды и теплое помещение для отдыха. Брат Кассиан немедленно занялся братом Финнеаном, чье состояние ухудшалось с каждым часом. Старый монах был в бреду, он говорил о духах леса, о древних рунах, о Сердце, которое плачет кровавыми слезами.

«Мы должны спешить», – сказал Ларс, его лицо было бледным от усталости и тревоги за старого монаха. «Каждый час промедления... это еще одна капля яда в душу этого леса».

На рассвете, оставив тяжелобольного брата Финнеана на попечение местных знахарок (которые, хоть и с недоверием, но согласились помочь брату Кассиану), они выступили к Плачущему Лесу. Проводником вызвался быть один из молодых воинов острога, Эйнар, чья семья жила когда-то на опушке этого леса и погибла от его ядовитого дыхания.

Чем ближе они подходили к лесу, тем сильнее менялся мир вокруг. Воздух становился тяжелым, влажным, пах прелью и какой-то кислой гнилью. Деревья, даже на подступах к лесу, были скрюченными, их ветви покрыты липкой, черной слизью. А затем они увидели его – Плачущий Лес.

Это было зрелище, от которого кровь стыла в жилах. Огромный, темный массив деревьев, чьи стволы были искажены до неузнаваемости, их ветви переплетались, образуя непроницаемый, колючий свод. С этих ветвей, словно слезы, капала черная, маслянистая жидкость, которая, попадая на землю, шипела и дымилась, оставляя после себя выжженные пятна. Тишина здесь была не мертвой, а... страдающей. Казалось, сам лес стонал от боли, отчаяния и неутоленной скорби.

Ларс замер на опушке, его лицо исказилось от муки. «Цвета... – прошептал он. – Здесь... здесь нет цветов. Только чернота. И ядовито-зеленый. И... багровый, как запекшаяся кровь. "Песня" этого места... это непрерывный, разрывающий душу плач. Плач миллионов страдающих душ». Осколок на его груди горел холодным, тревожным светом.

«Здесь обитают духи скорби», – сказал Эйнар, их проводник, его голос дрожал. «Те, кто умер в этом лесу или рядом с ним, не находят покоя. Их души привязаны к этому проклятому месту, они бродят среди деревьев, оплакивая свою судьбу и ненавидя все живое».

Они вошли в лес. Под ногами хрустели сухие, почерневшие листья. Воздух был тяжелым, липким, дышать было трудно. Каждый шорох, каждый треск ветки заставлял вздрагивать. Сестра Лира шла впереди, чертя на земле и на стволах деревьев защитные руны, которые слабо светились в полумраке леса, отгоняя самые злые тени.

Им пришлось разбить лагерь на небольшой поляне, где когда-то, возможно, стояла хижина лесника. Теперь здесь были лишь обугленные руины. Сестра Лира создала вокруг их лагеря мощный защитный барьер, но даже сквозь него они чувствовали леденящее дыхание Плачущего Леса.

Ночью никто не спал. Из глубины леса доносились странные звуки – то ли вой ветра в мертвых ветвях, то ли тихий, многоголосый плач, от которого волосы на голове становились дыбом. Иногда в темноте мелькали блуждающие огоньки – души неуспокоенных, или глаза каких-то неведомых тварей.

Ларс, несмотря на усталость, пытался медитировать, вслушиваясь в «песнь» этого места, пытаясь найти в ней не только боль и отчаяние, но и... ключ к исцелению. Алекс сидела рядом с ним, ее рука лежала на рукояти меча. Она знала, что это только начало. Что самые страшные испытания ждут их впереди, в самом сердце этого проклятого, плачущего леса. Где-то там, среди искаженных деревьев и страдающих духов, находился «узел» Спящего. И они должны были его очистить. Или погибнуть, пытаясь.

Глава 92: Стражи Скорби

Алекс, Ларс, Рорик

Плачущий Лес жил своей собственной, извращенной жизнью. Каждый шорох, каждый вздох ветра в его мертвых ветвях, казалось, был наполнен скорбью. Деревья, искаженные до неузнаваемости, действительно плакали – черные, маслянистые капли срывались с их ветвей, шипя и дымясь на земле. Воздух был тяжелым, пропитанным запахом гнили и отчаяния, а тишина, если она и наступала, была еще более гнетущей, чем непрерывный, едва слышный плач, который, казалось, исходил от самой земли.

Их маленький лагерь на обугленной поляне, защищенный рунами сестры Леры, был островком хрупкого здравомыслия посреди этого безумия. Но даже здесь им не было покоя. Ночи были особенно тяжелы. Сны, если им удавалось уснуть, были полны кошмаров – теней, шепота, образов погибших друзей. А иногда им казалось, что за мерцающим барьером рун кто-то стоит и наблюдает за ними – безмолвные, скорбные фигуры, сотканые из тумана и отчаяния.

Брат Финнеан был очень слаб. Брат Кассиан почти не отходил от него, но древние знания Аэтельгарда были бессильны против той глубокой раны и того яда, что оставили в нем Пепельные. Старый монах часто бредил, говорил о духах леса, о древних тропах, о Сердце, которое нужно исцелить. Иногда в его словах проскальзывали обрывки легенд, которые Ларс жадно ловил, пытаясь найти в них ключ к пониманию этого места.

В одну из таких особенно мрачных ночей, когда холодный, сырой туман окутал лес, а плач деревьев, казалось, стал особенно громким и надрывным, Алекс не могла уснуть. Она сидела у догорающего костра, ее рука привычно лежала на рукояти меча. Образ Арнгрима, вернее, та пустота, что осталась на его месте, снова терзал ее. И рядом с этой пустотой все ярче разгоралось новое, теплое чувство к Ларсу – чувство, которое пугало ее своей силой и одновременно давало надежду.

Ларс тоже не спал. Он сидел неподалеку, глядя на огонь, его лицо было бледным и осунувшимся. Осколок на его груди слабо светился, словно пытаясь разогнать окружающий мрак. «Ты тоже не спишь?» – тихо спросила Алекс.

Он вздрогнул, обернулся. «Это место... оно давит. Слишком много боли. Слишком много скорби». Он помолчал, затем добавил: «Я пытаюсь "услышать" его, этот лес. Понять его страдания. Но мой дар... он так ослаб. Я слышу лишь отголоски, обрывки "песен"».

«Ты делаешь все, что можешь, Ларс», – она подошла и села рядом с ним, так близко, что их плечи соприкоснулись. От него исходило слабое тепло, и этот простой человеческий контакт был сейчас дороже любых слов. «Мы все делаем все, что можем».

Они сидели молча, глядя на огонь. Вокруг них стонал и плакал лес, а за хрупким барьером рун сестры Лиры, казалось, сгущались тени. Страх, усталость, отчаяние – все это витало в воздухе, готовое в любой момент поглотить их.

«Мне страшно, Ларс», – неожиданно для самой себя прошептала Алекс. «Страшно, что мы не справимся. Что все это... было напрасно».

Он повернулся к ней, взял ее руку. Его ладонь была прохладной, но в его прикосновении была такая нежность, такая поддержка, что у Алекс на мгновение перехватило дыхание. «Мы не одни, Алекс», – сказал он так же тихо. «Даже если мой свет ослаб, твой – горит ярко. Твоя воля, твоя сила... они ведут нас. И я... я всегда буду рядом».

Он заглянул ей в глаза, и в его взгляде, чистом и глубоком, она увидела не только любовь, но и ту самую веру, которая не раз спасала их. И она поняла, что больше не может сопротивляться тому чувству, что так долго пыталась подавить.

Не говоря ни слова, она наклонилась и поцеловала его. Сначала робко, почти невесомо, затем – все настойчивее, все отчаяннее. Это был поцелуй, в котором смешались и страх, и надежда, и боль потерь, и отчаянная жажда жизни. Ларс ответил ей с такой же нежностью, с такой же страстью. Их руки сплелись, их тела прижались друг к другу, и в этот момент, посреди этого плачущего, умирающего леса, они были единственным источником света и тепла друг для друга.

Это была не просто физическая близость. Это было слияние душ, израненных, измученных, но не сломленных. Они искали друг в друге утешение, забвение от окружающего их кошмара, подтверждение того, что они все еще живы, что они все еще способны любить. В этом холодном, враждебном мире, где смерть подстерегала на каждом шагу, их любовь была актом неповиновения, гимном жизни, звучащим наперекор всеобщему отчаянию.

Когда рассвет, серый и безрадостный, начал пробиваться сквозь мертвые ветви деревьев, они все еще сидели, обнявшись, угасающего костра. Усталые, но... обновленные.словно эта ночь, проведенная вместе, дала им новые силы, новую решимость.

В этот момент из палатки, где лежал брат Финнеан, донесся слабый стон. Брат Кассиан, дремавший рядом, тут же вскочил. Алекс и Ларс переглянулись и поспешили к ним.

Старый монах был в сознании. Его глаза, обычно затуманенные бредом, сейчас смотрели на них осмысленно, хотя и очень слабо. «Дети мои... – прошептал он, его губы едва шевелились. – Я видел... Сердце Леса... Оно плачет не только от боли... но и от... одиночества. Стражи Скорби... они не злы по своей природе... Они – его слезы, его тоска... Их нужно не победить... а... утешить... Найти ту ноту... что отзовется в их истерзанных душах...»

Он закашлялся, его дыхание стало прерывистым. Брат Кассиан склонился над ним, пытаясь облегчить его страдания.

Слова Финнеана, сказанные на пороге смерти, были как откровение. Стражи Скорби... их нужно утешить. Не победить.

Ларс посмотрел на Алекс. «Я... я кажется, понимаю, что он имел в виду. Моя "Песнь Умирения"... возможно, здесь нужна не она. А что-то другое. Что-то, что сможет коснуться их скорби, разделить ее... и преобразить».

В этот момент со стороны леса донесся протяжный, тоскливый вой, от которого застыла кровь в жилах. А затем – еще один, и еще. Казалось, весь лес стонал от боли.

«Они идут», – Рорик, появившийся из утреннего тумана, был мрачен. «Я видел их. Много. Они окружают поляну».

Стражи Скорби. Они пришли за ними. И теперь им предстояло найти ту самую «ноту», которая могла бы утешить их неутоленную печаль. Или погибнуть под ее тяжестью.

Глава 93: Очищающая Песнь

Ларс, Алекс, Лира

Слова брата Финнеана, последние, что он успел прошептать перед тем, как его душа покинула измученное тело, повисли в холодном, плачущем воздухе Плачущего Леса. «Стражи Скорби... их нужно не победить... а... утешить...» Еще одна потеря. Еще один друг, ушедший навсегда. Алекс с трудом сглотнула комок в горле, глядя, как брат Кассиан бережно закрывает глаза старому монаху. Времени на скорбь не было. Вой и стелания из глубины леса становились все громче, все ближе.

«Они идут», – Рорик встал, его топор был наготове, но в его глазах не было обычной хищной ярости. Была лишь усталость и мрачная решимость.

«Держите оборону, – приказала Алекс, ее голос был тверд, несмотря на бурю в душе. – Но не атакуйте первыми. Ларс... ты знаешь, что делать?»

Ларс кивнул. Его лицо было бледным, но в его глазах, смотревших сквозь пелену леса, светилась не только печаль по ушедшему Финнеану, но и глубокое, почти болезненное сочувствие к этому страдающему лесу и его обитателям. Он шагнул вперед, за пределы хрупкого рунического барьера сестры Лире, Осколок Чистого Света на его груди излучал мягкое, теплое сияние.

Из сумрака леса, из-за искаженных, плачущих деревьев, начали появляться они – Стражи Скорби. Это не были чудовища из плоти и крови. Это были скорее... призрачные силуэты, сотканные из тумана, теней и застывших слез леса. В их расплывчатых очертаниях угадывались то человеческие фигуры, то образы древних лесных духов, то просто сгустки концентрированной боли. Их было много, и они двигались медленно, почти нерешительно, их беззвучный плач проникал в самое сердце, вызывая шемящую тоску.

Рорик и Ульф (Самокоррекция: Ульф погиб, Йорген был последним воином Кингсбриджа и тоже погиб. Остался только Рорик как основной воин. Сестра Лира и брат Кассиан – монахи, Элиана – спутница Ларса) Рорик и единственный оставшийся боеспособный воин из их первоначального отряда Аэтельгарда, брат Кассиан (который хоть и был целителем, но владел посохом как оружием самозащиты), напряглись, готовые к бою. Но Алекс жестом остановила их.

Ларс глубоко вздохнул и запел. Но это была не та яростная Песнь Огня и Света, что он пел в жерле вулкана, и не та Песнь Усмирения, что остановила тварь на Перешейке Отчаяния. Это была тихая, меланхоличная мелодия, полная такой глубокой, такой искренней печали, что, казалось, сам лес на мгновение замер, прислушиваясь. Ларс не пытался отогнать Стражей, не пытался их уничтожить. Он... он пел об их боли. Об их потерях. Об их бесконечном одиночестве. Его голос, чистый и сильный, сплетался со светом Осколка, и эта песня, полная сострадания, окутывала призрачные фигуры, как теплое одеяло.

Алекс стояла рядом с ним, ее рука лежала на его плече. Она закрыла глаза и позволила своей собственной боли, своим собственным потерям, своей собственной скорби вылиться наружу, стать частью этой песни. Она думала об Арнгриме, о Моргане, о Тероне, о Йоргене, об Ульфе, о Финнеане... обо всех, кого она потеряла на этом пути. И ее горе, смешавшись с горем этого леса, придавало песне Ларса новую, пронзительную глубину.

Стражи Скорби остановились. Их неясные силуэты заколебались. Некоторые из них, казалось, протягивали к Ларсу свои призрачные руки, словно ища утешения. Их беззвучный плач не прекратился, но в нем уже не было прежней агрессии. Была лишь... бесконечная, всепоглощающая печаль.

Медленно, очень медленно, они начали отступать, растворяясь в тумане, уступая им дорогу. Это не была победа в бою. Это было... понимание. Принятие.

«Они... они позволили нам пройти», – прошептала Элиана, ее глаза были полны слез.

«Финнеан был прав», – сказала Алекс, ее голос дрожал. «Их нужно было утешить».

Они двинулись вглубь Плачущего Леса, туда, куда, по последним словам старого монаха, вело Сердце Леса. Чем дальше они шли, тем гуще становился туман, тем сильнее ощущалось присутствие древней, искаженной магии. Деревья здесь были еще более уродливыми, их ветви переплетались, образуя колючие, непроходимые заросли. А земля под ногами была покрыта не только черной слизью, но и... костями. Человеческими и звериными.

Наконец, они вышли на поляну, в центре которой стояло ОНО. Сердце Плачущего Леса.

Это было гигантское, древнее дерево, но теперь оно было искажено до неузнаваемости. Его ствол был покрыт черными, гноящимися язвами, из которых сочилась та самая маслянистая жидкость, что капала с ветвей по всему лесу. Его ветви, скрюченные и почерневшие, тянулись к небу, как руки утопающего. А у его подножия, в переплетении корней, пульсировало что-то темное, почти черное, излучающее волны такой концентрированной боли и отчаяния, что у Алекс на мгновение потемнело в глазах. Это и был «узел» Спящего.

«Здесь», – прошептал Ларс, его лицо было напряжено. «Мы должны провести ритуал здесь».

Сестра Лира, несмотря на слабость, немедленно приступила к делу. Она достала из своей сумки специальные мелки, освященные в Аэтельгарде, и начала чертить вокруг Сердца Леса широкий круг из сложных рун очищения и защиты. Брат Кассиан расставил по периметру круга курильницы с благовониями, дым которых должен был отогнать злых духов и очистить воздух. Рорик и Алекс заняли позиции у входа в круг, их мечи были наготове. Элиана осталась рядом с сестрой Лирой, готовая помочь ей в любую минуту.

Когда приготовления были закончены, Ларс и Алекс шагнули в центр круга, к самому подножию искаженного дерева. Ларс достал из сумки свитки с «Очищающей Песнью». Алекс взяла его за руку. Их взгляды встретились. В них была не только решимость, но и глубокое, молчаливое понимание того, что их ждет.

Ларс глубоко вздохнул и начал петь.

«Очищающая Песнь» была не похожа ни на одну из тех мелодий, что он исполнял раньше. Это была сложная, многослойная композиция, в которой переплетались и древние заклинания Аэтельгарда, и скорбные напевы северных народов, и отголоски той самой «музыки сфер», которую он когда-то слышал так ясно. Его голос, то возносясь к самым вершинам отчаяния,

то опускаясь до шепота надежды, заполнял поляну, проникая, казалось, в самую суть этого проклятого места.

Осколок Чистого Света на его груди и Лунная Слеза, которую Алекс держала в руке, вспыхнули ярким, чистым светом, который окутал их обоих, создавая защитный кокон. Алекс чувствовала, как ее собственная воля, ее собственная энергия вливаются в эту песню, становясь ее частью, усиливая ее.

И Сердце Плачущего Леса отреагировало.

Темное, пульсирующее ядро у его подножия задергалось, из него вырвались черные, похожие на щупальца, отростки, которые устремились к Алекс и Ларсу. Дерево застонало, его ветви заскрипели, а черные слезы полились с новой силой. Воздух наполнился шепотом, стонами, криками – это были голоса всех тех, кто погиб в этом лесу, чьи души были привязаны к этому «узлу» Спящего. Они пытались прорваться сквозь защитный барьер, пытались поглотить свет, исходящий от Ларса и Алекс, пытались утащить их в свою бездну отчаяния.

Битва за душу Плачущего Леса началась. И это была битва не на мечах, а на уровне духа, на уровне воли, на уровне самой сути бытия.

Глава 94: Пробуждение Леса

Отряд

«Очищающая Песнь» достигла своего апогея. Голос Ларса, усиленный Осколком Чистого Света и резонансом их с Алекс душ, сплетался с древними рунами сестры Лиры, с безмолвной поддержкой Рорика, Элианы и брата Кассиана, которые стояли на страже, отгоняя последние, отчаянные атаки теней, порожденных агонией Сердца Леса.

Искаженное, плачущее дерево в центре поляны содрогнулось, словно в предсмертной конвульсии. Черная, маслянистая жижа, сочившаяся из его ран, на мгновение хлынула с новой силой, а затем... иссякла. Пульсирующее темное ядро у его подножия, «узел» Спящего, вспыхнуло багровым, затем фиолетовым, а потом – ослепительно-белым светом, который, казалось, на мгновение поглотил все вокруг. Раздался звук, похожий не то на треск ломающегося льда, не то на глубокий, освобождающий вздох.

А затем все стихло.

Алекс и Ларс рухнули на землю, совершенно обессиленные. Ритуал отнял у них все силы, до последней капли. Рорик и брат Кассиан бросились к ним, Элиана и сестра Лира, шатаясь от усталости, последовали за ними.

Когда Алекс открыла глаза, первое, что она увидела, было небо. Серое, хмурое, но уже не то давящее, безысходное небо Плачущего Леса, которое они видели раньше. Сквозь тучи пробивался робкий, водянистый луч солнца. А воздух... он был другим. Тяжелый запах гнили и отчаяния исчез, сменившись свежим, влажным запахом земли, мха и... чего-то еще, неуловимо-чистого, как после сильной грозы.

Ларс, лежавший рядом, медленно пришел в себя. Он посмотрел вокруг, и на его лице отразилось изумление. «Цвета... – прошептал он. – Они... они возвращаются. "Песня" леса... она изменилась. Боль ушла. Осталась... тишина. И... ожидание».

Они осторожно поднялись на ноги. Поляна вокруг Сердца Леса преобразилась. Искаженное дерево все еще стояло в центре, его ствол был покрыт шрамами, как напоминание о пережитом кошмаре. Но черные слезы больше не текли по его коре. А из трещин, там, где раньше сочилась тьма, теперь пробивались тонкие, нежно-зеленые ростки. У его подножия, там, где раньше пульсировал «узел» Спящего, теперь лежал гладкий, черный камень, от которого исходило слабое, спокойное тепло.

«Мы... мы сделали это?» – Элиана не верила своим глазам.

Сестра Лира, бледная, но с торжествующей улыбкой на губах, кивнула. «Да. "Очищающая Песнь"... она сработала. "Узел" нейтрализован. Лес... он начинает исцеляться».

И действительно, перемены были заметны повсюду. Мрачный, гнетущий полумрак начал рассеиваться, уступая место более мягкому, рассеянному свету. Тишина, прежде давящая и полная затаенных стонов, теперь стала другой – глубокой, умиротворяющей, наполненной едва слышным шелестом пробуждающейся жизни. Даже деревья вокруг, казалось, выпрямились, их скрюченные ветви больше не напоминали руки утопающих, а тянулись к свету с какой-то новой, робкой надеждой.

Они разбили лагерь на той же поляне, у подножия исцеленного Сердца Леса. Нужно было отдохнуть, восстановить силы. Алекс и Ларс спали почти сутки, их тела и души медленно приходили в себя после невероятного напряжения ритуала. Рорик, брат Кассиан и сестра Лира по очереди несли вахту, наблюдая за лесом, который, казалось, просыпался от долгого, мучительного сна.

В последующие дни они стали свидетелями настоящего чуда. Лес оживал на глазах. На мертвых, почерневших ветвях появлялись первые, клейкие листочки. Сквозь слой пепла и гнили пробивались цветы – сначала бледные, почти бесцветные, затем все более яркие и разнообразные. Вернулись птицы – их робкое чириканье сначала удивляло, а потом радовало слух. Даже ручьи, раньше несшие черную, ядовитую жижу, теперь текли чистой, прозрачной водой.

Но это пробуждение было не только радостным. Высвобожденная энергия, дремавшая в «узле» Спящего и теперь очищенная «Песнью», была настолько мощной, что лес, казалось, находился в состоянии лихорадки. Иногда земля под ногами вздрагивала, из расщелин в скалах вырывались струи пара, а по ночам в глубине леса вспыхивали странные, блуждающие огни.

«Лес пробуждается, – говорил брат Кассиан, наблюдая за этими явлениями. – Но он еще слаб и нестабилен. Как больной после тяжелой болезни. Ему нужно время, чтобы обрести новое равновесие».

Ларс чувствовал это особенно остро. Его дар, хоть и приглушенный, позволял ему ощущать эти мощные, хаотичные потоки энергии. «Здесь... очень много силы», – говорил он. «Чистой, перевозчанной. Но она... дикая. Необузданная. Она может быть как целительной, так и разрушительной, если не найти к ней правильный подход».

Однажды Рорик, вернувшись с охоты (теперь в лесу снова появилась дичь), принес странную новость. «Там, на западе, где раньше было болото, теперь... озеро. Чистое, как слеза. А вокруг него... странные существа. Не твари Спящего. Что-то другое. Похожи на... ожившие деревья. Или духов воды. Они не враждебны. Просто... наблюдают».

Алекс понимала, что их работа здесь еще не закончена. Они очистили «узел» Спящего, но лес все еще находился в хрупком, переходном состоянии. И эта новая, пробудившаяся сила могла привлечь не только добрых духов, но и... кого-то еще.

«Мы останемся здесь еще на несколько дней», – решила она. «Нужно убедиться, что лес действительно исцеляется, что эта сила не выйдет из-под контроля. И... нам нужно самим прийти в себя. Прежде чем двигаться дальше».

Она посмотрела на Сердце Леса. Древнее дерево, еще вчера бывшее символом скорби и отчаяния, теперь тянулось к небу своими обновленными ветвями, на которых уже набухали почки. Это была их первая настоящая победа. Первая исцеленная рана на теле этого измученного мира.

И это давало им силы идти дальше. Несмотря ни на что.

Глава 95: Вести с Юга

Отряд

Несколько дней, проведенных в пробуждающемся Плачущем Лесу, были для них как глоток свежего воздуха после долгого, удушливого кошмара. Под ласковыми, хоть и скупыми, лучами северного солнца, лес медленно стряхивал с себя остатки былой скорби. Черная, ядовитая жижа, сочившаяся из деревьев, высохла, уступив место прозрачной, как слеза, смоле. На

мертвых, почерневших ветвях набухали почки, а из-под слоя прошлогодних листьев и пепла пробивались тонкие, нежно-зеленые ростки. Вернулись птицы – их робкое, неуверенное пение с каждым днем становилось все громче и веселее. Даже воздух здесь, казалось, изменился – он пах теперь не гнилью и отчаянием, а влажной землей, молодой листвой и хвоей.

Алекс и Ларс медленно восстанавливали силы. Боль от принесенных жертв не утихла, но она уже не была такой острой, всепоглощающей. Пустота, оставшаяся в душе Алекс на месте стертых воспоминаний, постепенно заполнялась теплом и светом, исходящим от Ларса. А он, хоть и не мог больше так ясно видеть «цвета» мира и слышать его «песни», находил новую гармонию в тишине, в простых радостях – в улыбке Элианы, в ободряющем слове брата Кассиана, в молчаливом присутствии Алекс рядом.

Их небольшой лагерь у подножия исцеленного Сердца Леса стал временным домом. Рорик, хоть и ворчал по привычке, что «слишком тут тихо, не к добру», все же с удовольствием охотился на мелкую дичь, которая начала возвращаться в лес. Сестра Лира изучала руны на Сердце Леса, пытаясь понять природу его пробудившейся силы. Брат Кассиан собирал целебные травы, которые здесь, в очищенном лесу, обладали особой, живительной энергией. Элиана помогала ему, и ее звонкий смех, когда она играла с белкой, впервые за долгое время осмелившейся приблизиться к их лагерю, звучал как самая прекрасная музыка.

Иногда к ним приходили нордхольмцы – охотники или лесорубы из ближайших деревень, прослышавшие о чудесном исцелении Плачущего Леса. Они приносили им еду – сыр, вяленое мясо, хлеб – и с благоговейным трепетом смотрели на Ларса и Алекс, которых уже успели окрестить «Детьми Света» и «Королевой-Целительницей». От них они узнавали новости из внешнего мира – тревожные, противоречивые. О том, что в одних землях после ослабления Спящего начались междоусобицы и голод, в других – наоборот, люди объединялись, пытаясь восстановить разрушенное. О том, что Царство Пепла продолжает свою безмолвную, леденящую душу экспансию на юге, а фанатики Малакора несут свое «очищение» огнем и мечом по всему континенту.

Мир был далек от исцеления. Их победа в Плачущем Лесу была лишь маленьким островком света в океане тьмы.

На исходе седьмого дня их пребывания в лесу, когда они уже начали подумывать о том, чтобы двигаться дальше, к другим «узлам» Спящего, в их лагерь прибыл гонец. Молодой монах из Аэтельгарда, измученный долгой дорогой, его ряса была порвана, а лицо покрыто пылью и потом.

«Вести... срочные вести от Оракула», – выдохнул он, едва отдышавшись.

Их собрали в небольшой палатке, которую сестра Лира установила для изучения древних текстов. Гонец, немного придя в себя и выпив воды, передал им слова Оракула.

«Каэлен... – начал он, и при упоминании имени предателя Алекс почувствовала, как ее кулаки невольно сжались. – Он продолжает работать в библиотеках Аэтельгарда под строжайшим надзором. Его ум, лишенный темной воли Спящего, оказался невероятно продуктивен. Он сумел расшифровать еще несколько фрагментов Скрижали Теней, касающихся природы оставшихся "узлов"».

По словам Каэлена, следующий по значимости и опасности «узел» находился далеко на юге – Затонувший Город Аэтель, о котором он уже упоминал. Древняя столица дочеловеческой расы, поглощенная морем тысячи лет назад. Ее центральная башня, где хранились бесценные знания этой расы, стала средоточием энергии Спящего, излучая безумие и отчаяние, которые губили моряков и отравляли воды Рассеченного Моря.

«Но самое важное, – продолжал гонец, – Каэлен нашел упоминание о "Ключе Аэтеля". Это некий артефакт или знание, без которого "Очищающая Песнь" в Затонувшем Городе будет невозможна. Он не смог точно определить, что это за "Ключ" и где он находится, но все следы ведут к... Островам Бурь, небольшому архипелагу к юго-западу от побережья Заракхана».

Острова Бурь. Это название было знакомо Рорику. «Гиблое место», – проворчал он. «Вечные штормы, скалы, острые как бритва, и пираты, которые хуже любых тварей Спящего. Если "Ключ" там, достать его будет не проще, чем вырвать зуб у дракона».

Но это были еще не все новости. Оракул также сообщала, что «слухачи» Аэтельгарда – монахи, обладающие даром слышать отголоски событий на больших расстояниях, – донесли тревожные вести о Царстве Пепла. Пепельный Король, похоже, не смирился с их вторжением в Долину Теней. Его безмолвные легионы начали активное наступление на южных границах Нордхольма и соседних с ним земель, стремясь отрезать север от остального мира. Обсидиановый Шрам, третий из известных «узлов» Спящего, находящийся на границе с Царством Пепла, теперь оказался в еще большей опасности – Пепельный Король мог попытаться использовать его силу в своих целях.

«Оракул считает, что Затонувший Город Аэтель – наша следующая цель», – закончил гонец. «Но сначала – Острова Бурь. Без "Ключа" мы бессильны. А Царство Пепла... она просит вас быть предельно осторожными. Их мощь растет, и они не остановятся ни перед чем».

Новости были тяжелыми. Их короткая передышка закончилась. Впереди – новое, еще более опасное путешествие. К пиратским островам, к затонувшему городу, и все это – под угрозой преследования со стороны Царства Пепла и, возможно, Малакора, который тоже где-то там, в этом израненном мире, вершил свое «правосудие».

Алекс посмотрела на Ларса. В его глазах она увидела ту же решимость, что и в своих собственных. «Значит, Острова Бурь», – сказала она. «Готовьтесь к походу. Похоже, наше плавание по спокойным водам закончилось, так и не начавшись».

Она усмехнулась своей собственной шутке, но смех этот был горьким. Вести с юга несли с собой не только новые опасности, но и новую, отчаянную надежду. Надежду на то, что они все еще могут что-то изменить. Даже если для этого придется пройти через все круги ада. Снова.

Глава 96: Следующий Узел

Отряд

Решение было принято. Вести с юга, принесенные гонцом из Аэтельгарда, не оставили им выбора. Затерянный Альтарь Предтеч был лишь началом. Очищающая Песнь в Плачущем Лесу – лишь первым аккордом в той сложной, многоголосной симфонии, которую им предстояло исполнить, чтобы исцелить этот израненный мир. Следующей их целью был Затонувший Город Аэтель, еще один могущественный «узел» Спящего. Но прежде им предстояло найти «Ключ Аэтеля» на Островах Бурь – месте, окутанном дурной славой и вечными штормами.

Они покинули исцеленный Плачущий Лес на рассвете. Пробудившаяся природа проводила их тихим шелестом молодой листвы и робким пением птиц. Эйнар, их нордхольмский проводник, и несколько охотников из его деревни, ставшие свидетелями чуда исцеления леса, проводили их до границы лесных владений. Они снабдили их небольшим запасом вяленого мяса, рыбы и теплыми мехами – дары сурового, но благодарного Севера.

«Пусть ваши боги хранят вас, Дети Света», – сказал Эйнар на прощание, его грубое, обветренное лицо выражало непривычную для него мягкость. «То, что вы сделали для нашего леса, Нордхольм не забудет».

Их маленький отряд снова двинулся в путь. Алекс, Ларс, Рорик, Элиана, сестра Лира и брат Кассиан. Шестеро. Шестеро против всего мира, против остатков Спящего, против Царства Пепла, против фанатиков Малакора. Но теперь в их сердцах, помимо скорби о потерях и усталости от бесконечных битв, жила и новая, окрепшая надежда. Они знали, что их дело правое. И они знали, что не одиноки.

Путь на юг, к далекому побережью Рассеченного Моря, откуда им предстояло добираться до Островов Бурь, был долог и опасен. Они шли через земли, которые медленно приходили в себя после кошмара Спящего, но шрамы, оставленные им, были еще слишком глубоки. Им

встречались и выжженные пустоши, и зараженные болота, и руины городов, где когда-то кипела жизнь, а теперь лишь ветер гонял пепел по пустым улицам.

Но были и другие места. Долины, где снова зеленела трава, реки, несшие чистую воду, леса, где снова слышалось пение птиц. Мир боролся. Мир хотел жить. И это придавало им сил.

Их походная жизнь вошла в привычную колею. Рорик, как всегда, был их глазами и ушами, его охотничьи навыки не раз спасали их от голода, а его боевой опыт – от внезапных нападений мутировавших тварей или отчаявшихся банд мародеров, которых война и хаос породили в изобилии. Сестра Лира чертила защитные руны вокруг их ночных стоянок, ее искусство становилось все более уверенным и сильным. Брат Кассиан лечил их раны и хвори, его знание трав и целебных молитв Аэтельгарда было бесценно. Элиана, тихая и незаметная, заботилась об их скудном быте, ее присутствие вносило в их суровую жизнь нотку тепла и домашнего уюта.

Алекс и Ларс были сердцем их отряда. Их любовь, закаленная в испытаниях, стала для них не только источником силы, но и тем камертоном, по которому они настраивали свои души. Алекс, с ее прагматичным умом и несгибаемой волей, принимала решения, вела их вперед. Ларс, с его ослабленным, но все еще чутким даром, ощущал «музыку мира», предупреждал об опасностях, находил «тихие» тропы, где зло отступало, и своей верой, своей чистотой, своим светом поддерживал в них надежду.

Они шли на юг, и с каждым днем пути осень все явственнее вступала в свои права. Дни становились короче, ночи – холоднее. Листья на деревьях желтели и опадали, устилая землю золотым ковром. Воздух был прозрачен и чист, и по утрам на траве лежал иней.

Однажды, вскарабкавшись на высокий перевал, они увидели его. Далеко-далеко на юге, за грядой туманных холмов, блестела на солнце широкая, бескрайняя полоса воды. Рассеченное Море. А за ним, на самом горизонте, едва различимые в дымке, темнели скалистые силуэты Островов Бурь.

Их следующий «узел». Вернее, путь к нему.

Они стояли на вершине перевала, и холодный осенний ветер трепал их волосы и плащи. Впереди их ждали новые испытания, новые опасности, новые потери. Но они были готовы. Их ждал Затонувший Город Аэтель, ждал «Ключ», который должен был помочь им исполнить «Очищающую Песнь». Их ждала новая битва за будущее этого мира.

Алекс посмотрела на Ларса, и их взгляды встретились. В его глазах она увидела не только любовь, но и ту же несокрушимую решимость, что горела и в ее собственном сердце. Она взяла его за руку.

«Ну что, поющий мальчик», – сказала она с легкой усмешкой, в которой, однако, не было прежней горечи. «Готов к новым приключениям?»

Ларс улыбнулся в ответ. «С тобой, моя королева, – хоть на край света. Или даже под воду».

Они повернулись на юг, к далекому, штормовому морю, к таинственным островам, хранящим ключ к их следующей победе. Или к их следующей гибели. Но они шли вперед. Вместе. Под холодным, ясным осенним небом, навстречу своей судьбе. Новая заря? Возможно. Но на этот раз они знали, что за нее придется заплатить полную цену. И они были готовы.

Глава 97: Соленый Ветер

Отряд

Прощание с Аэтельгардом, во второй раз покидаемым ими, было исполнено тихой, сосредоточенной решимости. Оракул и Старейшины проводили их до самых ворот, их благословения были не столько словами, сколько ощущением древней, мудрой силы, окутывающей их маленький отряд. Они несли с собой не только пополненные припасы и бесценные знания о Плачущем Лесе и «Очищающей Песни», но и новую, еще более опасную цель – Затонувший

Город Аэтель и предшествующий ему поиск «Ключа Аэтеля» на далеких, штормовых Островах Бурь.

Путь на юг, к Рассеченному Морю, был долог и утомителен. Они спускались с холодных, пронизанных ветрами высокогорий, где воздух был чист и резок, на равнины, все еще носящие на себе шрамы недавней войны и влияния Спящего. Мир здесь медленно приходил в себя, но это было хрупкое, болезненное исцеление. В одних местах они видели поля, уже тронутые первой зеленью, слышали пение птиц, вернувшихся в оживающие леса. В других – натыкались на выжженные пустоши, зараженные болота, руины деревень, где ветер гонял пепел по пустым улицам.

Их отряд – Алекс, Ларс, Рорик, Элиана, сестра Лира и брат Кассиан – двигался слаженно, как хорошо отлаженный механизм. Горечь потерь (Ульфа, Йоргена, брата Финнеана) сплотила их еще сильнее, превратив в настоящую боевую семью, где каждый знал свою роль и был готов прикрыть спину товарища.

Рорик, как всегда, шел впереди, его острый взгляд не упускал ни одной детали, его чутье не раз уводило их от засад мародеров или встреч с мутировавшими тварями, все еще во множестве обитавшими в этих землях. Сестра Лира каждый вечер неустанно чертила вокруг их лагеря защитные руны, ее искусство становилось все более уверенным, словно пережитые испытания лишь укрепили ее связь с древней магией Аэтельгарда. Брат Кассиан заботился об их здоровье, его знание трав и целительных молитв было бесценно, особенно сейчас, когда они снова оказались вдали от безопасности монастыря. Элиана, тихая и незаметная, взяла на себя все заботы о быте их маленького отряда – готовила еду, чинила одежду, ухаживала за их скудным снаряжением. Ее присутствие вносило в их суровую жизнь нотку тепла и почти домашнего уюта.

Алекс и Ларс вели отряд вместе. Их связь, закаленная в огне ритуалов и скрепленная общей жертвой, была видна каждому. Алекс, с ее прагматичным умом и несгибаемой волей, принимала тактические решения, вела их через самые опасные участки пути. Ларс, чья душа все еще была открыта «музыке мира», хоть и слышал ее теперь тише, предупреждал об опасностях, которые не мог заметить даже Рорик, находил «тихие» тропы, где зло отступало, и своей верой, своей чистотой, своим светом поддерживал в них надежду. Их руки часто находили друг друга, их взгляды встречались, и в эти моменты не нужно было слов, чтобы понять ту глубокую, нерушимую связь, что соединяла их.

Чем дальше они продвигались на юг, тем сильнее менялся мир вокруг. Холодные северные ветра сменились более теплыми, влажными, несущими с собой незнакомый, солоноватый запах. Леса уступили место степям, а затем – песчаным дюнам и солончакам. И вот, на исходе третьей недели пути, они увидели его.

Рассеченное Море.

Оно предстало перед ними внезапно, за очередным высоким холмом. Бескрайняя, серо-стальная гладь воды, уходящая за горизонт, где она сливалась с таким же серым, низко нависшим небом. Волны с глухим рокотом разбивались о каменистый берег, поднимая тучи соленых брызг. Ветер здесь был сильным, порывистым, он трепал их волосы и одежду, принося с собой запах соли, водорослей и... какой-то древней, первобытной мощи.

Это море не было похоже на спокойные озера Аэтельгарда или бурные реки Нордхольма. Оно было диким, необузданным, полным скрытых опасностей и неведомых тайн. И где-то там, за этой серой пеленой, лежали Острова Бурь, их первая цель.

«Ну вот мы и пришли... почти», – Рорик сплюнул на землю, его взгляд был устремлен на беспокойные воды. Он вырос вдали от моря, и оно не вызывало у него ничего, кроме глухого недоверия. «Теперь нужно найти корыто, которое доставит нас на эти ваши проклятые острова. И капитана, достаточно безумного, чтобы туда поплыть».

Они спустились к побережью. Здесь, в небольшой, защищенной от ветра бухте, ютилась рыбацкая деревушка – несколько десятков покосившихся хижин, слепленных из выброшенного на берег дерева и глины. На берегу сушились сети, валялись старые, просмоленные лодки. Деревня выглядела бедной и заброшенной, но в нескольких окнах виднелся тусклый свет, а над одной из крыш курился дымок.

Местные жители – немногочисленные рыбаки с обветренными, темными от солнца и соли лицами – встретили их настороженно, почти враждебно. Чужаков здесь не любили. Война и хаос, царившие на континенте, докатились и сюда, принеся с собой голод, болезни и страх. Но упоминание о том, что они ищут корабль до Островов Бурь, вызвало у рыбаков не только удивление, но и суеверный ужас.

«Острова Бурь? – переспросил один из них, старый, седобородый рыбак с выцветшими, как морская вода, глазами. – Зачем вам туда, чужеземцы? Это проклятое место. Там вечные штормы, там скалы острые, как зубы морского дьявола, там... там пропадают корабли. И люди». Он плюнул на землю. «Ни один разумный капитан не поведет свой корабль в ту сторону. Разве что какой-нибудь пират или контрабандист, которому совсем нечего терять».

Слова старика не добавили им оптимизма. Но отступать было поздно. Им нужен был корабль. И им нужен был капитан. Безумный или отчаянный – это уже не имело значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.